

концептосфер етносу, його ментальні характеристики, ідеологеми та культурами. У подальших дослідженнях перспективним може стати виявлення універсальних та етноспецифічних рис у межах кожної окремої групи концептуальних доменів концептосфери «ЛЮДИНА» на основі контрастивного аналізу.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Голубовська І.О. Етноспецифічні константи мовної свідомості. – Автореф. дис. ... докт. філол. наук: 10.02.15/ Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. – К., 2004. – 38 с.
3. Дуденко О.В. Интертекстовое функціонування українських паремій в художніх текстах// Вісник Харків. нац. ун-ту. – 1999. – № 520. – С. 181-185.
4. Жайворонок В.В. Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень// Вісник Житомир. держ. пед. ун-ту. – 2001. – Вип. 3. – С. 121-125.
5. Захарова Н. В. Загадка: етнолінгвістичний аспект дослідження// Вісник Житомир. держ. пед. ун-ту. – 2001. – Вип. 4. – С. 115-117.
6. Ковальська Н. Паремії як засіб відображення когнітивних процесів // Вісник Львів. ун-ту. – 2004. – Вип. 34. – Ч. 1. – С. 412-418.
7. Корень О.В. Системно-функціональні особливості англійських прислів'їв. – Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04/ Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна. – Харків, 2000. – 42 с.
8. Кузенко Г.М. Мовні засоби вираження емотивності. – Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15/ Київський національний університет ім. Тараса Шевченка – К., 2004. – 38 с.
9. Українські приказки, прислів'я і таке інше / Уклад. М. Номис; Упоряд., приміт. та вступна ст. М.М. Пазяка. – К.: Либідь, 1993. – 768 с.
10. Українська мова: Енциклопедія. – К.: Українська енциклопедія, 2000. – 454с.
11. Школенко І.В. Персонифікація в концептуальній метафорі англоязычного наукового тексту: лінгвокультурний аспект // Мова і культура. – К.: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2003. – Вип. 6. – Т. III. Ч. 1. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – С. 286-293.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Тетяна Пастушенко – доцент кафедри англійської мови природничих факультетів Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Наукові інтереси: лексична семантика, когнітивна семантика, лінгвокультурологія, етнолінгвістика, психолінгвістика.

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СТЕРЕОТИПОВ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Людмила ПОПКО (Київ, Україна)

У статті розглядається поняття національного стереотипу та деякі особливості його лінгвістичного аспекту.

The article deals with the notion of national stereotype and some peculiarities of its linguistic aspect.

В данной статье в общем виде ставится проблема изучения лингвистического аспекта национального стереотипа. Общаясь с человеком и воспринимая его как представителя определенной национальности, мы предполагаем, что знаем, какие личностные черты для него характерны, испытываем определенные чувства к этому человеку и демонстрируем или озвучиваем определенное поведение в отношении этого человека. В результате мы получаем достаточно полный национальный стереотип, выражающийся в определенной формулировке. Одной из сторон этого стереотипа является и лингвистическая характеристика.

Являясь актуальной проблемой современной лингвистики, стереотипизация привлекает внимание ряда ученых. Ю.Е. Прохоров изучает национальные социокультурные стереотипы речевого общения, рассматривая вопросы национально-культурной специфики русского речевого общения и анализируя роль стереотипов в структуре и содержании процесса обучения иностранцев общению на русском языке [5].

Н.В. Уфимцева дифференцирует этнические стереотипы и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами бессознательного и сознания, им уже можно обучать [6].

В.В. Красных делит стереотипы на два вида – стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Существуют также поверхностные и глубинные стереотипы [4]. Поверхностные

стереотипы – это те представления о том или ином народе, которые обусловлены исторической, международной, внутривосточной ситуацией или другими временными факторами. Эти стереотипы меняются в зависимости от ситуации в мире и обществе. В отличие от поверхностных глубинные стереотипы неизменны.

Существующие научные труды по проблемам стереотипов рассматривают их различные аспекты, но, на наш взгляд, лингвистическое наполнение стереотипа, особенно соотношение с ним новой лексики, еще остается недостаточно исследованным. Поэтому целью данной статьи является изучение национально типизированной лексики.

Пути формирования стереотипов, а главное распространения их, передачи, поскольку большинство глубинных стереотипов сформировалось давно, различны. Устойчивость культуры, ее жизнеспособность обусловлены тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство, целостность. Каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт. Этот опыт является фундаментом, на котором основывается сама возможность существования коллектива во времени. Естественно, коллектив заинтересован в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям.

Если определить специфику современного человека как некоего феномена, то можно сказать, что сегодня человек живет в мире диалоговой информации, которая очень ярко обозначилась в конце XX – начале XXI веков: события внешнего мира и их внутренняя оценка; прошлое и настоящее; вера и безверие; сиюминутное и вечное; старое и новое; традиционное и инновационное и т.п. Возможность выбора, в свою очередь, определяет степень свободы личности, возможности познания и осознания себя в реальном мире – все это отражается в появлении новой лексики, заимствованной вместе с «новой» свободой, новыми имиджами и т.д. – новым образом жизни.

Согласно А. Вежбицкой, в каждом языке находят отражение своеобразные черты национального характера. Именно этническая специфика обуславливает «языковое несовпадение» в концептуализации мира. Так, например, по А. Вежбицкой, для русского национального характера свойственны такие черты, как эмоциональность, тенденция к крайностям, ощущение непредсказуемости жизни, склонность к морализаторству, пассивность, в некоторой степени фатализм [1].

Есть свои стереотипы и в отношении украинского народа, хотя нельзя говорить о том, что единые стереотипы присущи всему народу. Согласно социологическому опросу, который провела в апреле 2008 года организация Research and Branding Group по Украине, в стране существует пять основных неформальных региональных групп. Помимо уже традиционных донецких и западнцев, права выделить себя в отдельные сообщества удостоились киевляне, днепропетровские и одесситы [3].

Во многом представление об этих группах сформировалось на основе стереотипов. Так, первое место в пятерке качеств, которые, по мнению украинцев, наиболее присущи одесситам, занимает чувство юмора, киевлянам – гостеприимство, западнцам, донецким и днепропетровским – трудолюбие.

Образ жителей Западной Украины как борцов за национальную культуру органично дополняет бунтарство. Суровый имидж донецких усиливается тем, что среди приписываемых им качеств нет оптимизма и гостеприимства. По мнению руководителя Research and Branding Group Евгения Копатько, такие результаты – наглядный пример плохой информированности украинцев о культуре и традициях их соотечественников из других регионов. Прежде всего, речь идет о схи́дняках, которым народный фольклор приписывает образ либо суровых работяг, либо распальцованных бандитов, лишенных интеллекта. Результаты опроса говорят об отсутствии терпимости друг к другу у выходцев из разных регионов. В пятерке качеств, наиболее присущих западнцам и донецким, терпимость занимает последнее место.

Приведенные выше описания те или иных ментальностей носят в значительной мере социопсихологический характер. Для нас значительный интерес представляет собой лингвистическое наполнение того или иного стереотипа. Языковое представление особенностей русской ментальности достаточно разнообразно. Прежде всего русский язык

исключительно богат, в отличие, например, от английского, «активными» эмоциональными глаголами (*радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться* и т. п.). Этот факт служит, как полагает А. Вежбицкая, аргументом в пользу того, что эмоциональные глаголы связаны с чувством через продолжительный и протекающий одновременно с эмоциональным мыслительный процесс. Этой же чертой ментальности можно объяснить наличие в русском языке значительного количества уменьшительных форм (*вкусный – вкусенький, свежий – свеженький*), экспрессивных форм личных имен (*Наталья, Наташа, Наташенька, Натка, Туся, Натулечка, Наташечка, Натаха* и т.д., см. например, А.Маринина «Тот, кто знает»), которые просто не могут быть адекватно переданы средствами другого языка.

Неагентивность как черта русского национального характера находит свое проявление в значительной роли, которую играют в русском языке так называемые безличные предложения разных типов. Это бессубъектные или лишенные активного субъекта предложения, главный глагол которых принимает безличную форму среднего рода: безличная форма глагола сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления. Примером современного разговорного проявления этой особенности можно считать шуточную рифмовку *Не спится, не спится, не спится все мне, не спится, не спится бы мне*.

Очень важной особенностью отношений людей, связанной с лингвистической формой, является то или иное обращение. В русском языке, в отличие, например, от английского, существуют две различные формы обращения, одна из которых используется при официальном обращении, при обращении к незнакомым или малознакомым людям и выражает уважительное отношение к адресату, а вторая – при обращении к знакомым людям, состоящим в дружеских отношениях с говорящим, в неофициальной обстановке. В реальной практике делового общения ситуация гораздо сложнее. И «ты», и «вы» может быть использовано в сочетании с каждой из четырех форм обращения: с обращениями по имени, по имени и отчеству, по фамилии, по должности. Для правильного установления официальных статусных ролей и межличностных отношений необходимо обращение к национальному характеру и менталитету и установление связей последних со средствами языка.

Некоторая склонность к фатализму, к ожиданию худшего отмечена и в художественной литературе. Обратим внимание, например, на такой отрывок из романа Е.Дашковой:

– Ты не знаешь, какая там сейчас погода?

– Тепло, но обещают похолодание.

– Как ты думаешь, почему там никогда не обещают ничего хорошего? Если тепло, ждут похолодания, если курс рубля стабилен, начинают говорить об инфляции и экономическом кризисе.

– Такой менталитет, – пожал плечами Григорьев.

– А ладно, папа, никакой не менталитет. Просто за семьдесят лет Советской власти люди устали от официального оптимизма, от всех этих пятилеток, плакатных обещаний райской жизни теперь отдыхают. Хотят побыть скептиками и пессимистами [2].

Среди языковых средств создания стереотипов отметим следующие. Во-первых, следует говорить о метафоризации, которая известна в дискурсе многих социально-гуманитарных наук, в том числе в экономическом: (*крупный скачок, сжатие денежной массы, макроэкономическая стабилизация, попытки макростабилизации, валютный коридор, черный вторник, раскручивание рынка ГКО, прозрачность/непрозрачность экономики, широкие деньги*).

Эвфемизация тоже создает стереотипы (*пересмотреть тарифы, дестабилизация, депрессия, стагнация, перестройка, ускорение, дефляция, рыночная экономика, инфляция, бездефицитный бюджет*). Иногда в массовом сознании некоторые «безобидные» слова и фразы становятся сигналами опасных действий, грозящих благополучию масс (*реформа ЖКХ, страхование автогражданской ответственности, пенсионная реформа*).

Наряду с этим используются понятия с широкой, четко неопределенной семантикой (*институционализм, свободный рынок, открытое демократическое общество*,

дерегулювання, лібералізація, диспаритет цен). Приклади евфемізмів можна без зусиль зустріти в медійному дискурсі. Це більш м'які заміники потенційно образливих, грубих і образливих слів і виражень. Так в СМІ народжуються тексти, де слова порожні, не несуть достатньої інформації: *стабільність, стабілізувати, субсидування, інвестування...*

Виникає десемантизація звичайних мовних одиниць: << оздоровлення економіки, зміна значення (*аренда, право господарського ведення = приватна власність, новий російський, соціально орієнтована ринкова економіка*).

Особливу роль для характеристики російської ментальності грають модальні слова, частинки і міждометія: *авось* і *небось*, *можливо*, *можливо*, *видно*, *да ну*, *-ка*, *ну* і др. «Мелкі слова» такого роду, як підкреслює вчений, зазвичай важко перекладати на інші мови. Це не означає, що носій іншої мови ніколи не може керуватися вираженими в цих словах внутрішніми налаштуваннями. Але відсутність простого і ідиоматичного засобу вираження налаштування, безумовно, буває пов'язано з тим, що вона не входить в число культурно-значимих стереотипів цього народу. Наявність таких слів, що відповідають суттєвому розриву емоційного, історичного і побутового часу і відрізняються «російська картина світу» [7].

Існують навіть «поетичні» тексти, в яких службові і модальні слова формують сюжет:

Коль скоро, раніше ніж, оскільки, не так щоб, саме, зате, як ніби внаслідок, і тільки, тим більше, що ні за що, але лише, з огляду на те, що, бо, едла-едла і або-або – добро б, якщо б, рівно як небагато б! [7].

Таким чином, одним з найважливіших способів передачі стереотипу є мова. Мова в самому своєму будові, лексиці, фразеології, фонетиці, в загальноприйнятих правилах, пов'язаних з темпом, гостротою розмови несе відбиток ментальності свого народу.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Вежибіца А. Сопоставлення культур через посередство лексики і прагматики. М., 2001.
2. Дашкова Е. Чувство реальності. М.: Астрель, АСТ.–2002.–Т.1.– 345 с.
3. Коберник К. Анекдотическа різниця// Корреспондент. – № 34 (273). – 2007. – С.28-32.
4. Красних В. В. Етнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія. – М., 2002.
5. Прохоров Ю.Е. Національні соціокультурні стереотипи мовного спілкування і їх роль в навчанні російській мові іноземців. М., 1997. – 224 с.
6. Уфимцева Н.В. Культура і проблема запозичення // Зустрічі етнічних культур в дзеркалі мови: В сопоставительному лінгвокультурологічному аспекті. – М., 2002. – С. 152-170.
7. Шмидт Э. Бестелесні радості. Проблеми тіла, реальності, особистості і мови в російськомовному літературному Інтернеті. – <http://www.litera.ru/slova/schmidt/radosti.html> (28.05.2001).

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Людмила Попко – кандидат філологічних наук, професор кафедри української й іноземних мов Державної академії керівних кадрів культури та мистецтв Міністерства культури та мистецтва України.

Наукові інтереси: неологія.

ЕКСПРЕСИВНА СВОЄРІДНІСТЬ ОКАЗІОНАЛІЗМІВ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА

Ольга ПОПОВА (Бердянськ, Україна)

Визначено структуру, семантику оказіональних утворень, встановлено найбільш продуктивні способи авторського словотворення.

Here one see the defined structure, semantics, the classified most productive ways of the word-building of the occasional type in the author's prose language.

Постановка проблеми. Незважаючи на тривалу історію вивчення оказіоналізмів, вони привертають увагу дослідників, зокрема й новими гранями, аспектами входження у сучасну лінгвістичну науку.

Мова – матеріал і основа словесного мистецтва, елементи якого в структурі художнього тексту підпорядковуються закону семантичного перетворення. Художня мова, звертаючись безпосередньо до уваги читача, здатна відтворити рухи, їх пластику, звуки, психологію героя, його філософське світосприймання, тобто всю складність життя і людських почуттів у найрізноманітніших формах їх вияву. Саме в цьому і полягає специфіка і сила художнього